

Надежда Дубоносова

МЕЧТЫ

НЕ

СБЫВАЮТСЯ

Надежда Дубоносова
Мечты не сбываются

«Издательские решения»

Дубоносова Н.

Мечты не сбываются / Н. Дубоносова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968077-8

Вера живет обычной жизнью: заканчивает девятый класс и встречается с классным парнем. В день шестнадцатилетия все меняется. После крупной ссоры с теткой она уходит из дома, а на следующий день узнает о зверском убийстве. Тетка и ее дети мертвы. Отныне на страдания обречен каждый, кто вызовет ее гнев. Сможет ли Вера найти в себе достаточно сострадания, чтобы не превратить все вокруг в хаос и перестать сеять смерть? Ответы знает ее новый знакомый, но он не заговорит, пока не появится новая жертва...

ISBN 978-5-44-968077-8

© Дубоносова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мечты не сбываются

Надежда Дубоносова

*Посвящается Лидии Романовой,
которая познакомила меня с собой.*

Дизайнер обложки Мария Ковалева

Фотограф Кася Мельник

Корректор Ирина Усова

© Надежда Дубоносова, 2019

© Мария Ковалева, дизайн обложки, 2019

© Кася Мельник, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-8077-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

За окном сгущаются сумерки, окутывают верхушки деревьев, что видны из моего окна, разводами ложатся на клочок тяжелого синего неба. Скоро разразится буря. Ветер крепчает, солнце поблекло и медленно катится за горизонт – или за грани разумного, не все ли равно.

Мне зябко, даже холодно – слабый огонек свечи не согревает медленно коченеющие пальцы. Толку от него никакого, я едва вижу собственные неуверенно выведенные буквы. Пишу и понимаю, что слово за словом, вместе с остатками тепла улетучивается моя решимость. Сил и времени рассказать эту историю у меня все меньше, надежды, что выйдет складно, немного, но я попробую. Я должна успеть – это все, что сейчас важно. Быть может, кто-то когда-то прочтет эту рукопись, и тогда все не напрасно.

История, о которой пойдет речь, началась двадцать шестого мая две тысячи восьмого года. В тот день мне исполнилось шестнадцать лет, и ровным счетом ничего не изменилось. Солнце не стало ярче, люди добрее, а я умнее или красивее.

Все меня поздравляли. Поздравления дома и в школе сливались в эдакий воздушный шарик, вместо воздуха наполненный однообразными фразами. Счастья, здоровья, удачи, успехов в учебе, всего самого наилучшего... Выпусти из шарика воздух, и пустые слова со свистом вылетят наружу. В поздравлениях мне виделась фальшь, в глазах одноклассников и даже собственных родителей – равнодушие.

Поздравления сыпались всю первую половину дня. После третьего урока позвонил Дима.

– Привет, Вера, – тихо сказал он в трубку. От его голоса, глуховатого и прокуренного, у меня всегда мурашки по коже.

Я прошмыгнула в женский туалет подальше от гула школьного коридора.

– Привет.

– Пойдем вечером в кино?

– Сегодня?

– Да.

– Почему сегодня?

– Думаешь, я забыл? – я прикрыла глаза и представила, как он лукаво улыбнулся одними глазами.

Глаза Димы, карие с зелеными крапинками у самого зрачка, редко вторили его словам. Когда он старался выглядеть серьезно, глаза его задорно блестели.

– О чем?

– Вера!

– Что? погоди секунду.

Я заткнула одно ухо пальцем. В туалет просачивался топот, вой и победные визги – все, чем наполнена самая обычная перемена самой обычной школы.

– Я люблю тебя, – вдруг сказал Дима.

Шум из-за неплотно прикрытой двери почти заглушил его слова.

– Что?

– Я люблю тебя.

Я прислонилась спиной к прохладной кафельной стене.

– Правда?

– Да.

Это было, наверное, двадцатое его признание в любви. К тому времени эти признания, такие легкие и привычные, что я перестала воспринимать их всерьез, успели мне наскучить. Нет, Дима не лгал, просто я не ценила его любовь, уже не детскую и не подростковую, но еще не взрослую.

- Докажи! – потребовала я, чтобы не признаваться в ответ.
- Сегодня докажу. Ну что, пойдём?
- Ладно.
- У тебя какой-то невеселый голос.
- У меня скучный школьный голос.

Я посмотрела в окно туалета. На фоне сочной зелени пестрела и переливалась всеми оттенками лилового, синего и голубого душистая сирень. Солнце жгло, как лампой накаливания. Учиться не было уже никаких сил, но учеба тянулась и тянулась. За двадцать третьим следовало двадцать четвертое, потом двадцать пятое мая. Вот уже наступил мой день рождения, почти всегда выпадающий на начало летних каникул, а мы по-прежнему делаем вид, что учимся, просиживая штаны и юбки в душных классах.

– Подумаешь, пара дней всего осталась. И вообще, имей в виду: у именинников всегда хорошее настроение.

- Угу...
 - Да брось. Шестнадцать лет – прекрасный возраст.
 - Чем ты занимался в свои шестнадцать?
 - Пил, курил и был абсолютно счастлив.
- Я хмыкнула. Потом неожиданно для себя рассмеялась.
- В таком случае я сегодня же куплю сигареты и бутылку виски.
 - Тебе не продадут.
 - Я выгляжу старше.
 - Вот уж нет!
 - Вот уж да, – я снова засмеялась, хотя смешно мне уже не было.
 - Вера...
 - Что?
 - Я правда люблю тебя. Ты даже не представляешь, как сильно.

Звонок заглушил его последние слова. Дима редко говорил мне эту фразу при встрече, зато постоянно в смс-ках и электронных письмах, которые периодически слал на почту. Два, три слова, предложение встретиться завтра или обещание присниться мне ночью – и в конце обязательно: «Люблю тебя. Ты даже не представляешь, как сильно».

- Конечно, не представляю. Слушай, у меня урок начинается. Пока.
- До встречи. Позвоню тебе вечером.

Вспоминаю сейчас тот день и понимаю: я все равно не смогла бы так дальше. То, что случилось, должно было случиться. Пожалуй, я даже благодарна за это.

В шестнадцать лет нет ничего более нудного, чем отмечать день рождения дома в кругу семьи. Все меня раздражало: одинаковые, из года в год повторяющиеся поздравления, мамино коронное блюдо – цыпленок с запеченым картофелем – и даже мой любимый карамельный торт-безе.

Когда папа вернулся с работы, мы сели за праздничный стол. Выпили по бокалу игристого вина. Папа сказал, что я должна стать человеком с большой буквы. Он всегда так говорил в мой день рождения и на Новый год. Мама сказала, что я обязательно буду счастлива, иначе и быть не может.

Я улыбалась и думала о том, что должна быть искренне благодарна за все это: стол, маму с папой и наскучившее постоянство. Чуть ли не каждый день я повторяла себе, что уже счастлива. У меня есть то, чего нет у сирот или детей с пьющими родителями, детей из бедных семей, да у кого угодно. Убеждать себя получалось не очень. В душе тлела и томилась тоска, больше похожая на тупое болотное безразличие. Иногда в этой тоске мне хотелось ущипнуть себя – проверить, что я все еще живая, а не плод собственной фантазии.

Мы сидели за маленьким круглым столом, пили чай вприкуску с воздушным тортом-безе и говорили о школе и о моем будущем, когда раздался звонок в дверь.

– Наверное, телеграмма пришла, – рассеянно сказал папа и пошел открывать.

Я хотела спросить, какая может быть телеграмма в двадцать первом веке, но не успела. Папа открыл входную дверь, даже не глянув в глазок.

Это была не телеграмма и даже не письмо. На пороге стояла полная женщина лет сорока с белым свертком в руках. Из-за ее спины выглядывали двое детей: угрюмый мальчик в очках и хрупкая девочка неопределенного возраста, юркая, с мелкими чертами лица и хитрыми маленькими глазками. Некоторое время все молчали. Внезапно сверток в руках женщины пискнул, всхлипнул, и снова все стихло.

– Ульяна? – недоверчиво спросил папа. Не верил он скорее собственным глазам, чем тому, что женщину на пороге зовут Ульяна.

– Муж выгнал меня из дома, – загробным голосом отозвалась та.

Лицо её с крупным носом и полными губами перекошилось, губы задрожали. Сверток пискнул громче. Прежде, чем папа успел опомниться, пищащее существо уже копошилось в его руках, а необъятная женщина суетливо затаскивала внутрь прихожей чемоданы. Дети жались к стене и с любопытством озирались по сторонам.

– Он даже не дал мне времени собрать вещи! – сообщила женщина и втащила в нашу узкую прихожую третий по счету чемодан.

– Кто? Миша?

– Нет! Миша был таким хорошим, он бы никогда... о Боже, – она всхлипнула. – Он умер в прошлом году.

– Мне жаль, – отозвался папа, подозрительно приюхиваясь к свертку в руках.

– Ах! – женщина всплеснула руками. Удивительно, что кто-то еще умеет изображать этот жест в духе тургеневских барышень. – Это было так давно... Теперь вот, представляешь? Выгнал! С тремя детьми. С младенцем!

Сверток пищал все более настойчиво. Мама аккуратно забрала ребенка у папы. На лице ее отразилась вселенская нежность, которая всегда появляется при виде детей и маленьких собачек.

Тетку Ульяну я видела всего пару раз в жизни, но оба раза была такой маленькой, что почти ничего не запомнила – разве что ее громогласный голос и постоянно меняющихся спутников.

Я молча следила за попытками женщины впихнуть себя, чемоданы и своих отпрысков в нашу прихожую. Ее темные волосы выбились из толстой косы, щеки покраснелись. Несмотря на впечатление, которое старалась произвести, женщина была совсем не так проста. Её цепкий взгляд ощупывал собеседника за доли секунды, оставляя после себя желание окунуться в чистую ледяную воду. Движения ее были проворнее, чем можно было ожидать от столь грузной особы, одежда буквально вопила об отсутствии вкуса: красная блузка с желтыми цветочками обтягивала внушительный бюст, синяя юбка – не менее внушительный зад. Рукава были закатаны до локтей, на левой руке красовался массивный браслет с крупными стразами.

Ульяна подтолкнула детей вперед.

– Это Антон и Катя.

– Ты... Хм, останешься на ночь? – осторожно спросил папа.

Губы Ульяны предательски задрожали.

– Если уж родной брат гонит меня, то, конечно, я не могу рассчитывать на чью-либо помощь в этом мире...

Я покосилась на маму. Молча покачивая младенца, она прислонилась к стене прихожей, словно та была последней опорой в мире, который вот-вот обрушится ей на плечи.

– Конечно, ты можешь остаться, Ульяна, – сказал папа. – Я рад видеть тебя спустя столько...

Он не успел договорить – рев младенца заглушил его голос. Ульяна проворно выхватила ребенка из рук мамы и, сильно покачивая, понесла в гостиную. Из коридора я видела, как она удобно устроилась на нашем диване, и, обложившись подушками, вывалила рыхлую грудь прямо в его чмокающие губы.

В одно мгновение это семейство заглушило тихое празднование моего шестнадцатилетия.

Мама с обреченным видом оторвалась от стены и повела остальных детей в гостиную. Я не выдержала:

– Пап, можно тебя на секунду?

Папа молча кивнул. Выглядел он так, словно не я, а он стал старше. Причем не на год, а минимум на три.

Мы закрылись в кладовке.

– Она останется здесь? – спросила я.

– Видимо да. На какое-то время.

– А почему она пришла именно сегодня?

– Не знаю, Вера. Ты же сама все слышала. Так сложилось.

– Так сложилось? И все?

– А что тебе еще сказать? – сердито ответил папа. – Это моя сестра. И твоя тетя, если ты забыла. Сейчас ей с детьми идти некуда.

– А почему мы раньше не виделись? Где она была все это время?

Папа вздохнул.

– Все тебе надо знать, – уклончиво ответил он. – Она недавно только освободилась.

Я шагнула к нему. Роста мы были почти одинакового, и теперь я смотрела ему прямо в глаза.

– За что?..

– Мошенничество. Но она говорит, что ее подставили.

– А если она у нас что-нибудь украдет?

– Она моя сестра, – с нажимом повторил папа. – И пока еще я в этом доме принимаю решения, она останется здесь.

Мы постояли еще с полминуты, хмуро глядя друг на друга. Квартиру заливал детский рев, ему вторили громогласные причитания Ульяны: «Ну что ты, сыночка, ну покушай, покушай, шшш».

– Хорошо.

Я вышла из кладовки и направилась в гостиную. Мама с вежливым вниманием слушала Ульяну, которая успевала между возгласами младенца рассказывать, как тяжело ей стало управляться с годовалым ребенком. Одной рукой она придерживала его, другую отвела далеко назад – показать, каким крупным он родился.

Они не сразу обратили на меня внимание.

– Если отсюда не уйдете вы, уйду я, – тихо сказала я.

Какую-то долю секунды я наслаждалась этим моментом. Правда, длился он недолго. Ульяна пристально посмотрела на меня, губы ее изогнулись в приторной улыбке.

– Верунчик, зря ты так. Родные все-таки люди. Я поживу тут немного, пока муженек мой образумится.

Я молчала. Ульяна продолжила еще более слащаво:

– В тесноте да не в обиде, как говорится... Уж поместимся как-нибудь. Уж потесним вас немножко... Ладненько?

– Да.

Не глядя на папу, который наблюдал за нами, я вышла в коридор. Когда до меня донеслось его подозрительное «Ты куда это собралась?», входная дверь захлопнулась за моей спиной.

Погода в тот майский вечер стояла жарче, чем летом в разгар дня. Я ушла из дома, в чем была, джинсах и футболке, сменив только домашние тапочки на босоножки, и теперь шагала по улице, сунув руки в карманы и уткнувшись взглядом в нагретый за день асфальт. Ни сожалений, ни угрызений совести я в себе не ощущала. Вопросов о том, правильно ли поступила, тоже не было. Возможно, я могла бы присмотреться к тетке, ее детям, познакомиться с ними получше...

Может, и глупо получилось. Как теперь вернуться домой, не уронив достоинства, я не представляла. Ну и пусть. Все лучше, чем делать вид, что рада ее видеть.

Солнце медленно катилось за каменные дома. Сумерки постепенно приглушали те немногие краски, что остались летом в мегаполисе, ровняя их с дымчато-серым асфальтом. Весна в этом году пришла поздно, погостила с месяц и сразу обернулась летом. После первой радости от долгожданного тепла в людях зародилось ленивое ожидание предстоящей жары. Пока я брела, не разбирая дороги, незаметно стемнело, и улицы зажглись вспышки афиш. В наступившей прохладе пешеходы оживились и словно бы прибавили шагу. Одна я не вписывалась в это всеобщее оживление, все также неспешно шагая сквозь толпу. В кармане футболки поминутно звонил мобильный телефон. Я не отвечала.

– Вера?

Я вздрогнула. Голос прозвучал прямо за моей спиной. Обернувшись, я увидела девочку примерно моего возраста, такую тонкую и хрупкую, что она казалась почти прозрачной. Я узнала её. Это была Зоя – новенькая, поступившая в нашу школу в начале четверти. До сих пор я говорила с ней не больше трех раз. Училась она посредственно, вела себя тихо и особыми талантами не отличалась. Кроме приятного нежного голоса и внимательного взгляда темных глаз мне ничего не вспоминается. Я даже не могу сказать, во что она была одета в тот вечер. Не сыграй эта девочка роковую роль в моей истории, я вряд ли бы вспомнила, как ее зовут.

– Она самая. Привет, – сказала я не слишком приветливо, чтобы сомнений у нее не осталось: «Привет» в данном случае значит «Пока».

Но Зоя нагнала меня и пошла рядом, примериваясь к шагам.

– Как дела? – робко поинтересовалась она.

Я вздохнула. Зоя производила впечатление скромного и тактичного человека. Ответить ей грубо было все равно, что пнуть котенка.

– Хорошо, – коротко ответила я, не поднимая головы.

– Ты чем-то расстроена?

– Все нормально.

Я даже постаралась дружески ей улыбнуться. Наверное, получилось не слишком удачно, потому что глаза её вдруг испуганно расширились. Зоя нерешительно дотронулась пальцами до моего плеча и тут же опустила руку.

– У тебя правда все нормально?

– Конечно.

– Что ж... тогда пока, – грустно произнесла она.

– Пока.

Уже после того, как она исчезла за спиной какого-то мужчины, я подумала, что нужно было спросить, как у нее дела и что она вообще здесь делает. Искреннее сопереживание, которое на мгновение отразилось в ее лице, зародило во мне угрызения совести. Зоя промелькнула и исчезла подобно видению, – только едва уловимый цветочный аромат её духов некоторое время сопровождал меня, будто защищая от спешащих, что-то непрерывно говорящих и на ходу жующих людей вокруг. Мобильный в кармане футболки вздрагивал все реже. Роди-

тели, должно быть, были в ужасе. Впрочем, мне ведь уже шестнадцать – иду, куда хочу. Взрослая.

Когда я наконец остановилась, оказалось, что ушла я недалеко и стою прямо возле соседней станции метро. Это было похоже на намек: садись да поезжай назад. Я постояла возле станции с полминуты и, развернувшись, решительно пошла в прямо противоположном направлении вглубь какого-то парка. В конце слабо освещенной дорожки обнаружили две свободные лавки. Я уселась на одну из них и обхватила себя за плечи. С наступлением вечера температура резко упала, и у меня мерзли руки.

Росло ощущение полной беспомощности. Я сидела, не шевелясь и не отрывая взгляда от темного куста по другую сторону дорожки, и искренне желала, чтобы все случившееся: и Ульяна, и нарочито громко хлопнувшая дверь за моей спиной, – оказалось сном, а уже в следующую секунду я проснулась в своей кровати. Или на худой конец в кровати Димы.

Телефон зазвонил снова. Я негнушима пальцами вытащила его из кармана.

– Привет, Дима, – собственный голос показался мне чужим и чересчур громким в пустом темном парке.

– Ты где?! – требовательно рявкнул Дима. О да. Он злился. – Мы же собирались в кино! Или по твоим меркам еще не вечер?

– Вечер, – я покрутила головой в разные стороны. – Не знаю, где я.

Голос у меня был на удивление спокойным. Особенно по сравнению с его.

– Почему ты не отвечала? Как ты можешь не знать, где находишься? Что происходит, Вера? С кем ты?

– Я сижу на лавке в каком-то парке. Здесь совсем темно, – я помолчала. – И мне ужасно холодно.

– Что случилось?

– Я ушла из дома.

Дима на время замолчал. Видимо, пытался решить, что ему делать.

– И ты не можешь вернуться домой? – уже мягче спросил он.

– Могу, наверное. Только не сегодня.

Дима снова замолчал. Я слушала его ровное дыхание и думала, что отдала бы все на свете, лишь бы увидеть его прямо в эту минуту.

– Ты можешь узнать, где сейчас находишься?

– Где-то недалеко от дома.

– Как долго ты шла?

– Может, полчаса... или меньше. Не знаю. Не волнуйся, я в порядке.

Голос Димы потеплел:

– Конечно. Все обязательно будет в порядке. Только скажи мне, где ты. Ты видишь кого-нибудь?

– Нет... Правда, я слышу чьи-то голоса. По-моему, мужские.

– Отлично. А еще что-нибудь?

– Нет.

Дима помедлил.

– Ладно... Не клади трубку. Попробуй спросить у них.

Какое-то время я чувствовала себя не в силах не то, что встать, а даже просто пошевелиться. Дима несколько раз повторил моё имя, но потом замолчал. Он просто был там, на том конце провода, и ждал. Безграничное терпение – еще одна причина любить его.

Обладатели голосов, двое пьяных мужчин, сами подошли ко мне – кажется, они искали свободную лавку. Пошатываясь и подбадривая друг друга, они разом повалились на соседнюю. Я повернулась к ним, прижав трубку к животу.

– Простите, вы не могли бы мне помочь?

– Ддаа..

– Где вы находитесь?

Я могла бы спросить, где нахожусь я, но запас вредности у меня к тому моменту еще не иссяк.

– Ты ддумаешь, я даже не знаю, где нахожусь? – возмущенно протянул мужчина. – Я прекрасно знаю, где я... В Марьино! В парке. Вот тут река еще... на набережной. Что непонятного?!

– Большое спасибо.

Я прислушалась к протяжным гудкам почти полностью разряженного мобильного. Дима наверняка уже мчал сюда. Если он решил поиграть в героя, то впервые в жизни я была этому рада.

Оставалось ждать. Я забралась на скамейку с ногами и, обхватив колени, размышляла о том, что сейчас делают родители, Ульяна и ее дети – и о том, как хорошо, что у меня в мои шестнадцать уже есть Дима. Изредка с соседней лавки доносились посвистывания и призывные восклицания, но я не реагировала. Очень хотелось спать и наконец согреться. Глаза медленно закрывались.

Дима появился, когда я уже почти вырубилась. Бог знает, как он нашел меня в этом парке. Он наклонился и положил широкую ладонь мне на затылок. Коснулся лба обветренными губами.

– Просыпайся. Идем домой.

С трудом разлепив глаза, я поднялась. Тело била мелкая дрожь. Не говоря ни слова, Дима накинул мне на плечи свою куртку и повел сквозь темноту назад к ночным огням, афишам и витринам. Яркий свет резал мне глаза.

– Твоя мама звонила. Она с ума сходит. Все тебя ищут. Что случилось?

– Долгая история.

– Так расскажи, пока идем, – его рука мягко легла на мою талию.

– Нечего рассказывать.

– Из-за «нечего» из дома не уходят.

Я молча разглядывала черный асфальт под ногами, считая шаги. Клянусь, если он начнет читать мораль или учить меня, я вернусь на лавку.

Телефон у меня в кармане грустно пискнул, сообщая, что батарея полностью разряжена.

– Позвони маме с моего. Скажи, что все в порядке.

Я также молча продолжала ковылять за ним.

– Вера.

Молчание.

– Так не делается, в конце концов.

Я остановилась.

– Не надо, Дима.

– Что не надо?

– Вот это все. Не надо.

Он тоже остановился и заставил меня посмотреть ему в глаза – карие с зелеными крапинками, которые всегда оказывали на девушек магическое воздействие. Потом кивнул и дальше просто шел рядом. Больше он не обнимал меня до самого дома.

Иногда я думаю: Дима был со мной только потому, что на меня не действовали его чары. Он обладал всеми достоинствами, какие могут быть у двадцатилетнего парня: длинноволосый, вечно слегка небритый, с низким прокуренным голосом и пламенной любовью к рок-музыке. Большую часть года он носил коуху и кожаные штаны и раньше по праву считался главным секс-символом нашей школы.

Будь я, как другие девочки, без памяти влюблена в его длинные волосы и кожаную куртку, вряд ли он приехал бы за мной ночью в парк.

Родители его давно спали. Мы умудрились бесшумно пройти по темному коридору, не задев ни один из многочисленных ящиков, которые остались после недавнего переезда.

– Устала? – Дима неслышно открыл передо мной дверь в свою комнату.

Я на ощупь прошла знакомым маршрутом: не задеть шкаф, не стукнуться коленкой об угол кровати, добраться до глубокого кресла, заваленного подушками, и рухнуть в него без сил.

– Не знаю. Немного, – я пожала плечами, чувствуя, как в тепле расслабляется продрогшее тело.

Я действительно не знала, устала ли я, хочу ли спать или вернуться домой – или остаться там, в той комнате, ожидая, пока Дима обнимет меня и, как пишут в романах, «покроет поцелуями каждую клеточку моего тела».

Он опустился передо мной на корточки. Взял за руки и заглянул в глаза.

– Домой? – шепнул он.

Я покачала головой. Ком подступил к горлу, но плакать рядом с ним не хотелось. Я так и не научилась толком доверять ему ничего, кроме собственного тела.

Впервые это случилось, когда мне только-только исполнилось пятнадцать. Страшно не было, больно тоже. Я думала, что любила его, и просто позволила делать то, что, не сомневаюсь, делать ему приходилось не раз. Это было странно, больно, горячо, влажно – и лишь потом немного приятно.

Я видела, что он снова хотел меня, хоть и сдерживался. Глубоко вздохнула, улыбнулась и погладила его по щеке. Дима поднялся и снял с меня футболку. От джинсов я избавилась сама.

Кровать его была узкая и жесткая, потолок над кроватью – идеально белый, без единого пятнышка. Ночью на этом потолке причудливо играл тенями лунный свет, рисуя картины, в которых моё воображение растворялось также, как Дима во мне.

– С днем рождения, Вера, – шепнул он, оказавшись внутри.

Его дыхание обожгло щеку.

– Спасибо.

– Я люблю тебя.

Комната тонула в темноте, и я не различала даже очертаний его лица. Минуту спустя он с тяжким вздохом опустился на меня, всем весом прижав к кровати. Я погладила его намокшие от пота волосы.

Дима встал, походил по комнате. Ему наверняка хотелось курить, но курить в квартире родители запрещали. Наконец он тихо лег рядом со мной, обнял одной рукой и прижал к себе.

Вскоре послышалось негромкое сопение. Дима заснул.

Глава 2

Солнце только показалось за неплотно задернутыми шторами, а я уже не спала, наблюдая, как блеклые лучи играют на смуглой Диминой коже. Он мирно спал, одну руку засунув под подушку, а другой крепко прижав меня к себе. Вряд ли от нахлынувших чувств – скорее, чтобы я не грохнулась с его узкой кровати.

Я осторожно погладила его по щеке. Дима чуть поморщился, но не проснулся.

События предыдущего вечера одно за другим всплывали в памяти и действовали как холодный душ. Я вспомнила, что на сегодня назначен последний экзамен, и стала спешно выбираться из постели. Меньшее, что можно было сделать, раз уж я не удосужилась вчера открыть учебники – не опоздать на него. А ехать от Димы до моей школы было больше получаса.

– Ммм? – не просыпаясь, Дима попробовал покрепче обнять меня.

– Мне пора.

– Куда?..

– Домой.

– Рано.

– У меня сегодня экзамен.

– Какой ужас, – он уткнулся носом в подушку и засопел, так и не ослабив хватку.

– Мне надо домой за вещами.

– Ммм.

– Ну пусти.

– Угу...

– Дима! – я больно ущипнула его за плечо. Он молча приподнял руку, позволяя мне выбраться.

– Что тебе дома понадобилось?

– Ну что может понадобиться на экзамене. Ручка. Паспорт. Лифчик, если я его здесь не найду, – я поочередно заглядывала под все горизонтальные поверхности в комнате. Что за дурацкая привычка у парней – отшвыривать одежду, едва она попадет под руку.

– А сколько времени? – спросил Дима в подушку.

– Шесть часов.

– Жесть.

– Вот-вот! Экзамен в восемь.

Я вытащила из-под кровати свои трусы и джинсы. Если с первой попытки найду футболку, день определенно задался.

– В последний день учебы важных экзаменов не бывает. Поверь бывалому школяру... – Дима без особой надежды похлопал по кровати рядом с собой. – Оставайся.

Я продолжала одеваться. Он решил зайти с другой стороны.

– Знаешь, как ты красива в лучах восходящего солнца? – по его губам скользнула загадочная улыбка.

– Не знаю. Зато знаю, как в лучах восходящего солнца тяжело искать раскиданную одежду.

Отыскав лифчик среди книг и блокнотов на письменном столе, я внимательно оглядела комнату в поисках телефона. Кажется, вчера он выпал из кармана джинсов. Но где именно?

За стулом обнаружили Димины потертые штаны. Недолго думая, я вытряхнула содержимое его карманов в свои. Теперь у меня были проездной, мелочь, чтобы купить по дороге кофе, и его заряженный телефон.

Под раздевающим взглядом Димы я покрепче затянула пояс и кое-как расчесала волосы пальцами.

– Правда. Не уходи, – повторил он и сел в кровати.

Я молча заплела волосы в косу.

– Вера.

– Можно взять твою толстовку?

Несмотря на то, что лето почти наступило, по утрам все еще было прохладно.

– Можно все, если останешься.

– Спасибо.

Выудив из горы вещей под стулом более-менее чистую толстовку размера на два больше моего, я натянула ее.

– В ванной есть зубная щетка.

– Помню. В твоей коробочке для гостей.

Я наклонилась, чтобы поцеловать его на прощанье.

– Нет никакой коробочки.

– Есть. Там лежат щетки всех твоих девочек.

– Нет никаких девочек, – сообщил Дима мне прямо в губы.

– Мне все равно. Пока.

В ванной в отдельном стаканчике стояли две зубные щетки, обе розовые. Я не глядя взяла одну из них, наспех почистила зубы и умылась. В дверях столкнулась с мамой Димы, вежливо поздоровалась с ней и тут же попрощалась, чувствуя странную неловкость, хотя он даже как-то представил меня своей девушкой.

Извинившись и наскоро сунув ноги в босоножки, я сбежала. Со стороны это, должно быть, выглядело ужасно глупо.

Домой я приехала в семь тридцать. Своим ключом открыла входную дверь. Тишина в квартире царила полнейшая – никакой утренней суеты и запаха крепкого кофе, который папа обычно выпивал перед работой. Кажется, никого и дома уже не было. Только у двери в коридоре одиноко стоял мой школьный рюкзак. Мне хватило короткого взгляда, чтобы понять: кто-то собрал его, доверху набив всем, что лежало на моем письменном столе – последними несданными учебниками, исписанными ручками и тетрадями. Из бокового кармана торчал паспорт.

Я с полминуты стояла в темном коридоре, тупо уставившись на этот рюкзак. Потом закинула его на плечо и вышла, неплотно притворив за собой дверь.

Я её не заперла.

В школе все было как обычно. Шестнадцать лет мне исполнилось вчера, а сегодня все стало по-прежнему. Никто не заметил ни моей мятой одежды, ни удрученного вида. Школа бурлила обычной школьной жизнью – спешила, гудела, сплетничала, дралась и орала. Я воткнула в уши наушники и осторожно пробиралась к классу, здороваясь по дороге со всеми, кого видеть совсем не хотела: одноклассниками, учителями и мелочью из начальных классов, которая вечно принимала меня за училку.

У входа в класс стоял высокий мужчина. На фоне школьного коридора он выглядел странно. Странным было все: длинные белые волосы, неестественно светлые глаза и тонкие руки с длинными, по-птичьим скрюченными пальцами, торчащими из-под манжет льняного пиджака. Мужчина заметил меня издали и довольно улыбнулся. Какое-то мгновение мы молча смотрели друг на друга, потом прозвенел звонок, и я поспешила в класс, прижимая паспорт к груди. В школу пригласили особую комиссию, и зарегистрироваться на экзамен было сложнее, чем на рейс самолета.

На следующий час с лишним я напрочь выпала из реальности, полностью погрузившись в задания. Очнулась только, когда объявили короткий перерыв. Я вышла в коридор и снова наткнулась на странного мужчину. Он стоял на том же месте и также странно и мечтательно улыбался.

Я молча прошмыгнула мимо него в женский туалет.

– Ты знаешь, кто это? – спросила я одноклассницу, когда мы вместе вышли.

Она уставилась прямо туда, где стоял незнакомец.

– Где? Ты что, Петренко не узнала? – она хлопнула меня по плечу. – Умойся, что ли. Протри глазки. Тебе ими еще час на буквы смотреть. У тебя, кстати, что в четвертом номере?

Я хотела показать ей мужчину, но на прежнем месте его уже не было. Его вообще нигде не было, хотя меня не покидало ощущение, будто он по-прежнему за нами наблюдает.

«Ну да, – сказала я себе. – Наблюдает, а сам превратился в невидимку. Или парит где-нибудь на крыльях ночи».

Прозвенел звонок, и вместе с другими я вернулась на экзамен. Но не просидела за партой и десяти минут: в класс вошел тот самый незнакомец. Просто открыл дверь и вальяжно переступил порог. Потом чуть склонил голову в сторону учительницы, приветствуя ее, точно аристократ из девятнадцатого века, и спросил:

– Могу я использовать ваше время?

Голос у него был приятный. О таких обычно пишут «бархатный» или даже «проникающий под кожу». Я не дыша уставилась на учительницу – хоть она-то его видит?

Она приветливо улыбнулась ему, как старому знакомому, и ответила:

– Разумеется. Класс в вашем распоряжении.

Вот так прямо посреди экзамена? Серьезно? Прав был Дима, в последний учебный день серьезных экзаменов не бывает.

Мужчина неспешно, чуть шаркая ногами в светлых туфлях, двинулся к доске. Взгляд его поочередно останавливался на лицах всех, кто был в классе. Свое я постаралась сделать максимально бесстрастным.

– Вы, может быть, спрашиваете себя, дорогие дети, – начал он также неторопливо, как шел, – зачем я здесь. Хотя какие дети? Иные из вас способны на такое, что взрослым не снилось, – он замер у доски.

С последней парты мне было отлично видно, как сильно он похож на рисованную картинку, стоя вот так на темно-зеленом фоне. С длинными белыми волосами, в светлом льняном костюме – вылитый Гендальф¹ в юности. Мужчина взглянул на меня и снова улыбнулся своей мечтательной улыбкой.

– Я пришел, чтобы лично сообщить вам одну неприятную... да, очень неприятную новость, – он выдержал театральную паузу. – Сегодня утром были убиты госпожа Дымова с детьми. Зарезаны обычным кухонным ножом. Каждый получил удар в сердце. Произошло это примерно в начале девятого. В квартире девяносто один дома номер шесть на Марьинской улице.

Я почувствовала, как внутри замерзает айсберг размером с дом. Этот человек назвал мой адрес. Но моя фамилия – Царёва.

– Госпожа Дымова приехала в эту квартиру только вчера, – словно в ответ на мои мысли продолжал мужчина. – Она была родной сестрой владельца. Если бы не взяла фамилию мужа, то звалась бы сейчас Ульяной Царевой...

Его голос доносился до меня словно издалека. Ульяна мертва? Женщина, которую я видела всего пару раз в жизни, которая заставила меня уйти из дома, а сегодня утром наверняка собирала мой рюкзак.

Не может быть.

Воцарившаяся в классе тишина нависла липким облаком. Все обернулись ко мне.

¹ Гендальф – один из центральных персонажей трилогии Дж. Р. Толкина «Властелин колец». Характерные черты его внешности: длинные седые волосы, свободные одеяния и высокий рост.

– Семья Царевых, проживающая в этой квартире, нисколько не пострадала, – продолжал мужчина. – Мы также можем с уверенностью утверждать, что убийца, – слово больно резануло слух, – был знаком с жертвой. Иначе как объяснить, что она сама открыла ему дверь? И когда убийца несколько раз ударил Дымову ножом, она, судя по всему, не сопротивлялась. Дети – девочка восьми лет, мальчик семи и младенец – убиты также.

Я поняла, что прижимаю ладонь к губам. Первым желанием было бежать домой. Или хотя бы прочь из класса, дальше от десятков устремленных на меня глаз. Но стоило мне взглянуть на дверь, как до ушей донесся тихий щелчок – словно повернули ключ в замочной скважине. Кто-то запер нас снаружи? Что, черт бы все это побрал, происходит?

Я начала задыхаться, хотя окна были распахнуты настежь.

– ...говорить о том, что мы знаем подозреваемых, не имеет смысла. Я могу прямо здесь и сейчас назвать виновных.

Я подняла глаза – мужчина стоял прямо передо мной. Когда он успел подойти?

– Вера Царева, если не ошибаюсь?

– Да.

– Ты виновна в смерти своей тети и племянников.

Я глубоко вздохнула. Это неправда. Не может быть правдой. Собрав все свое хладнокровие в кулак, я спросила так спокойно, как только могла:

– Почему вы так считаете?

Мужчина изящно пожал плечами.

– Потому что это так и есть?

– Это вопрос?

– А что, похоже?

Он улыбнулся, показав ровные белые зубы. Можно было подумать, я маньяк, за которым он гонялся лет двадцать и вот наконец настиг. Хотя из нас двоих на маньяка все больше походил он.

– Я никого не убивала.

– Хочешь обсудить это?

Класс вокруг меня словно замер – я даже не слышала ничьего дыхания. Все смотрели на нас немигающими мертвыми глазами. Чем бы это ни было, оно с каждой секундой все больше напоминало плохой ужастик.

– Где?

Он снова радостно пожал плечами.

– Да хоть в коридоре.

– Окей.

Я встала из-за парты и, с трудом переставляя ватные ноги, в гробовой тишине последовала за незнакомцем. Стоило ему остановиться перед дверью, как снова раздался щелчок, и дверь мягко отворилась. Сама.

Я шла за ним в каком-то оцепенении. Школьный коридор был пуст, двери в классы закрыты. Я подумала, может, пора прощаться с родными стенами? Что, если всех вывели, а меня прямо сейчас куда-то увезут? Тогда где группа захвата или хотя бы его напарник с наручниками и пистолетом?

Пока я размышляла, что из произошедшего вчера стоит рассказывать, а что нет, мужчина остановился в конце коридора и знаком пригласил меня в пустой класс. Я молча повиновалась.

Снова щелкнул замок, хотя я точно помнила, что дверь в этом классе неисправна. Ее даже не закрыть толком – не то, что запереть. Я прислонилась к стене.

– Вы не можете обвинить меня в убийстве.

Он чуть заметно склонил голову набок.

– Именно это я и собираюсь сделать.

– То, что я заходила домой сегодня утром, не значит, что я убила тетку.

Брови его насмешливо взметнулись. Он развел руками с изяществом, которому позавидовали бы многие женщины.

– Позволю себе заметить, я этого не говорил. Я сказал, что ты виновна в ее смерти.

– Тем, что оставила дверь открытой?

– Тем, что ненавидела Ульяну.

Мужчина повернулся ко мне. Нас разделяло полкласса, но от холода, которым от него веяло, кожа от шеи до кистей рук покрылась мурашками.

– Если это все, что вы можете мне предъявить, мы теряем время.

– Ну почему же. Мы знакомимся.

– И как вас зовут?

– Лестер. Для тебя, Вера, просто Лестер.

Его мечтательно-маниакальная улыбка начинала действовать мне на нервы. Хотелось обхватить себя за плечи, но я даже не скрестила рук.

– Если я сейчас с силой дерну дверь, она не откроется?

– Ты чрезвычайно догадлива.

Он плавно двинулся ко мне. Мне ничего не оставалось, кроме как рассматривать его, прямо и нагло, пока он с нескрываемым любопытством рассматривал меня. Почему у него белые волосы? Седые? И почему глаза с цепким взглядом такие странные, почти бесцветные?

Почему я виновна в смерти Ульяны?

– Почему я виновна в смерти Ульяны? – вслух произнесла я.

– Потому что это правда.

– Это не ответ.

Он сделал еще шаг. Я почувствовала, как леденеют ладони и кровь медленно отливает от лица.

– В тебе скрыто больше, чем ты думаешь.

Я выдохнула.

– И это все?

– А этого мало?

– Этого недостаточно, чтобы обвинить меня перед всем классом и притащить сюда.

– А по-моему...

– Откройте дверь.

– Разве она заперта?

– Откройте. Дверь, – тихо повторила я.

Он поднял руки, словно сдавался.

– Хорошо. Я объясню тебе так, чтобы было понятно. Начну... с чего бы начать? Вот возьмем вчерашний вечер – с него же все началось? Ты встретила Зою, передала ей часть своей энергии. Да-да, это возможно, ты и сама прекрасно знаешь. Ты поделилась энергией, а заодно неистовым желанием уничтожить тетку вместе с детишками. Зоя впитала твоё настроение, она, знаешь ли, очень восприимчивая девочка. Промаялась до утра, бедняжка, но так и не смогла совладать с собой и отправилась к тебе, даже толком не зная, зачем. И подумать только! Дверь в квартиру оказалась не заперта. Даже толком не закрыта. И, как назло, Ульяна с детьми были дома, но ничего не услышали – крепко спали после того, как проводили твоих маму и папу на работу. Представь, – он махнул рукой куда-то в сторону, точно на стене показывали фильм, – Зоя вошла и увидела спящую Ульяну. И вчерашнее желание причинить боль этой женщине – твоё желание, между прочим, – овладело ей. Думаю, Ульяна так и не проснулась. Разве что дети... но что могут дети, когда перед ними человек с ножом и четкой целью их прикончить. Младенчик, наверное, орал... Мда. У вас вся гостиная в крови, – закончил он будничным тоном.

Я медленно сползла по стене вниз. Откинула голову и стала смеяться. Я хохотала в голос. О Господи Боже мой. Не меня надо забрать, а этого сумасшедшего – причем напрямиком в психушку.

Лестер молчал. В лице его не отражалось ничего – он терпеливо ждал, пока мой истеричный смех утихнет.

– Ты связана с Зоей.

– С чего бы?

– Ты имела несчастье испортить свою душу до такой степени, что не способна жить в гармонии с миром.

– И поэтому можно считать меня сумасшедшей? – я все-таки обхватила себя руками. Может, он все это выдумал, а Ульяна как ни в чем не бывало прямо сейчас хозяйничает у нас дома?

– Я не считаю тебя сумасшедшей.

– Вы считаете, что я могла бы поверить в эту чушь?

– А ты не веришь?

– А вам не надоело отвечать вопросом на вопрос?

Он проигнорировал мой язвительный тон.

– Так было с начала времен. Чтобы худшие из людей не смогли принести слишком много боли другим. Стоит тебе обратить свою злость против кого-то, этот человек будет страдать.

Я медленно поднялась. Страх постепенно улечувивался. Хотелось двух вещей: избавиться от его общества и как можно скорее попасть домой.

– Это несерьезно. Это просто смешно.

Он с невозмутимым видом кивнул в сторону двери.

– Сейчас прямо за дверью стоит Зоя. Она борется с невыносимым желанием убить меня: я тебе, мягко говоря, не нравлюсь. Но она не сделает этого. Знаешь, почему?

Дистанция между нами резко сократилась. Я не заметила, как он оказался на расстоянии короткого выдоха. Успела только подумать: этот человек намного опаснее Зои с ножом в руках.

– Потому что я здесь, чтобы защищать ее, – сказал Лестер. – Но подчиняется она тебе. Ты разрываешь её.

– И мне стоит поверить в эту сказку?

– Ты уже в нее веришь.

Мы стояли там, уставившись друг на друга. Я разглядывала крошечные льдинки в его глазах. Он тоже во мне что-то очень внимательно разглядывал, точно искал подтверждения своей теории.

– Хорошо. Я верю.

– Правда? – Лестер выглядел удивленным.

– Вы бы не привели меня сюда, если бы думали, что я не поверю.

– Можешь обращаться ко мне на «ты».

Я спросила, не отрывая взгляда от его глаз:

– А кто ты?

Лестер улыбнулся так обаятельно, что у меня на секунду перехватило дыхание.

– Кто захочешь. Если только ты мне веришь.

– Я же сказала, что верю. В то, что дверь закрывается сама, хотя в ней даже нет замка. Или что есть тот, кто за меня прикончит любого, кто мне не нравится. Окей. Пусть так.

Я ждала, что он растеряется от моих слов, но он только удовлетворенно кивнул. Лестер отступил на шаг, но и этого хватило, чтобы воздух едва заметно потеплел. Я почувствовала, что крепче стою на ногах и даже почти уверилась, что меня не арестуют.

– Значит, я не ошибся...

– Даже если так. Чего ты хочешь?

– Исцелить твою душу.

Я успокоилась настолько, что смогла снисходительно улыбнуться.

– Я совсем не жестока.

– Это не так.

– Ну, я бы точно не стала никого убивать. И злости во мне никакой нет. Я обычная.

Настал его черед скрещивать руки.

– А что ты делаешь в свободное время?

– Ничего особенного. Рассказы пишу.

– И о чем эти рассказы?

– Ты что, их читал?

Он кивнул.

– А если скажу, что я их выбросила?

– Это неважно.

Я действительно раньше много писала и точно знала, что никто не читал моих опусов.

В последнее время я в красках описывала одни кровавые убийства.

– И зачем ты здесь?

– Увидим. Пока я собираюсь следить за безопасностью Зои. И за тобой.

Я помолчала. Потом спросила:

– Если я такая ужасная, кто же спасет меня от монстра, что живет во мне самой?

– Милосердие.

Я чуть снова не рассмеялась.

– Милосердие? Ты это серьезно?

Кажется, в его глазах мелькнуло сомнение. Я решила воспользоваться моментом и прошмыгнула мимо него к двери. Снова щелчок – передо мной с потерянным видом стояла Зоя. Тонкие худые руки ее сжимались в кулаки.

Прежде чем пройти мимо нее обратно в класс, я тихо и четко произнесла, не оборачиваясь:

– Ничего у тебя, Лестер, не выйдет. Я такая, какая есть. И если ненавижу, то до самой гробовой доски.

Глава 3

Если кто-то задастся вопросом, злой он или добрый, праведный, порочный, да хоть святой – придется признать, что в каждом из нас есть всего понемногу. Абсолютного зла и добра не существует, как не существует абсолютных тьмы или света. По крайней мере так я тогда думала, и потому мысль, будто я со своей черной душой могу погубить полмира, показалась мне абсурдной.

Нашли тоже исчадие ада. Оценки у меня так себе, талантов никаких, внешность непримечательная. Я круглый год ношу рваные джинсы, туфлям предпочитаю кеды, волосы убираю в косу до плеч. Фигура у меня обычная: никакого пятого размера и женственных изгибов. Понятия не имею, стал бы Дима со мной встречаться, будь я при всей своей непримечательности девушкой глубоко пуританских взглядов. Может, его заводила сама мысль, что в свои двадцать он спит с пятнадцатилетней? Точнее, спал до вчерашнего дня. Теперь ситуация не такая щекотливая: он спит с практически взрослым человеком.

В свои шестнадцать этот человек намеревался окончить девятый класс, сдать экзамены и поступить в колледж. Юридический меня бы вполне устроил, раз уж у нас в стране все равно не учат на писателей. Стать писателем я мечтала с того момента, как начала записывать маленькие отрывки в конце школьных тетрадей. Постепенно они складывались в рассказы. Я никому их не показывала, прекрасно сознавая, насколько они далеки от идеала. Даже сейчас я пишу и постоянно думаю, как все это неуклюже и путано, и что можно было бы лучше.

И ведь я точно знаю, что права. Я теперь так много знаю, что от этого сдохнуть хочется.

После разговора с Лестером я поспешила домой. Родители уже вернулись с работы и сидели в гостиной. Там же за письменным столом разместился следователь, на этот раз самый настоящий – грузный краснощекий мужчина в очках, одетый во все черное. Он без особого интереса спросил, где я была вчера вечером, взял у папы номера наших мобильных, попросил не уезжать из города и ушел. Кажется, собирался поговорить с последним мужем Ульяны о ее крайне неустойчивом психическом состоянии. Бьюсь об заклад, Лестер устроит так, что убийство чудесным образом свяжут именно с ним, и дело закроют.

Когда мы остались одни, мама крепко обняла меня.

– Слава Богу тебя здесь не было, дочка!

– Угу.

– У меня в голове не укладывается, как это могло случиться... Ужас!

– Да уж.

– Если бы ты была здесь, когда все это...

«То со мной ничегошеньки бы не случилось», – отстраненно подумала я и погладила маму по спине.

– Меня тут не было. Не переживай. Никто не пострадал.

Поняв, как это прозвучало – вроде бы я Ульяну и за человека не считаю, – я осторожно взглянула на папу. Выглядел он неважно.

– Пап...

– Ты вчера самовольно ушла из дома, ты это помнишь? – мрачно спросил он.

– Помню.

– И считаешь в порядке вещей?

– Нет.

– В другой ситуации тебя ждал бы домашний арест минимум на месяц.

– По-моему, мы и так под домашним арестом, – пробормотала я.

Он нахмурился еще больше.

– Это временно.

Я кивнула, рассматривая свои босые ноги.

– И необоснованно.

– Да.

– Но это никаким образом не относится к твоему поведению.

– Извини, – тихо сказала я.

– Ты не только передо мной должна извиниться.

– Мам... – я повернулась к маме, думая о том, как бы скорее покончить с этим и заглянуть в гостиную.

После тотальной уборки там стоял такой едкий запах, что слышно было даже из коридора. Но меня разбирало любопытство.

Мама хлопнула меня по плечу. Папа упрямо молчал. Так быстро он меня не простит, хотя бы для вида. Я решила зайти с другой стороны.

– У вас с Ульяной были близкие отношения?

– С тетей, Вера, она твоя теть.

– Саша! – вскинулась мама. – Ну теперь-то не начинай, она ее почти никогда не видела!

– Она ее тетя, – повторил папа и опустил глаза. – Даже если это уже не важно.

Я видела, как он расстроен, и изо всех сил делала вид, что мне жаль. Может, я просто не понимала, что Ульяны больше нет. Или не хотела понимать. Я никогда раньше не сталкивалась со смертью.

– Ты сможешь спать в своей комнате? – мама решила сменить тему. Она всегда так делала, когда папа упирался и гнул свое.

– А что с ней не так?

– Ну... там ночью спала Ульяна.

Вот так сюрприз. Хотя где бы ей еще спать при наличии троих детей и всего одного свободного дивана в квартире.

– А где, позволь спросить, спала ты? – встрял папа.

– У Димы.

– Опять?!

– Он мой парень.

– Ты забыла, сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

Папа хмыкнул. Каждая моя ночевка у Димы заканчивалась скандалом. Не будь мои родители столь консервативными... Впрочем, они придумали бы что-нибудь другое.

– С сегодняшнего дня ты ночуешь в этой квартире. Всегда, – отрезал папа и ушел на кухню, демонстрируя, что разговор окончен.

Мама дотронулась до моего плеча.

– Ты точно в порядке, дочка? – она хотела снова обнять меня, но я отстранилась.

– Ага. Все нормально, мам.

В кармане зазвонил мобильный. Я с опозданием вспомнила, как по-свински обошлась утром с Димой. На экране высветился незнакомый номер.

– Алло?

– Верни мне, пожалуйста, мой проездной.

Голос у Димы был абсолютно нейтральным. Таким голосом он говорил, когда был смертельно обижен.

Ну нет, второй раз за пять минут я извиняться не буду.

– Хорошо. Где встретимся?

– Там же, где вчера. Откуда я тебя забрал.

Последняя фраза прозвучала как упрек.

- Хорошо.
- И привези мне, пожалуйста, мой телефон.
- Окей.
- Он отключился.

Я постояла в коридоре, соображая, какое из дел более срочное: принять душ или заглянуть, наконец, в гостиную. Любопытство победило. Проигнорировав слабые мамины протесты, я босиком прошла в злополучную комнату и замерла на пороге. Прислушалась к себе – никакой гнетущей атмосферы, никаких следов крови на стенах. Я простояла там не меньше минуты, пытаюсь представить спящих на диване детей и саму Ульяну где-нибудь... ну, скажем, в кресле. Вот Зоя подходит к ней, вот заносит руку – резкий удар, вскрик, на диване потихоньку начинает хныкать проснувшийся младенец...

- Вера!
- Я вздрогнула. Рядом стояла мама, зажимая нос двумя пальцами.
- Закрой дверь, запах просто невыносимый! Вся квартира хлоркой провоняет!
- Прости.
- Стой! – мама вдруг застыла, прижав руки к груди. – Слышишь?
- Что?
- Как будто ребенок плачет... Слышала? Вот только что?
- Чего-о-о? – я даже отступила от нее на шаг.

– Свят, свят, свят, – мама, обычно далекая от религиозности, перекрестилась. – Будут теперь по квартире неуспокоенные души завывать. Надо батюшку звать, пусть тут все хорошенько... – она обвела гостиную озабоченным взглядом. – Вот ведь не было печали!

Я украдкой покосилась на нее. Похоже, смерть Ульяны расстраивала ее меньше, чем предстоящие расходы на священника. Не желая продолжать тему, я захлопнула дверь в гостиную.

- Я в душ.
- Ты точно не...
- Мам, тебе показалось.
- Ну да, наверно. Но вот послушай!
- Я в душ, – громко повторила я и направилась в ванную, постоянно прислушиваясь.

Не может быть, чтобы нам обоим показалось. Показалось же, да – или я себе это только что придумала?

Наспех высушив волосы и натянув чистую футболку и джинсы, я поехала на встречу с Димой.

При свете дня парк, откуда он вчера забрал меня, вовсе не казался таким большим. Аллеи, редко засаженные молодыми деревьями, пустующие в середине рабочего дня лавочки и маленький пруд с мутной водой являли собой плачевную картину. Это место даже парком было не назвать – так, небольшой сквер с водохранилищем.

Дима ждал меня у той самой лавки, где я готовилась вчера ночевать. Я молча протянула ему мобильный.

- Ничего не хочешь сказать? – спросил он, глядя куда-то в сторону.
- Я замерла. Что он успел узнать? И что я могу ему рассказать, не рискуя сойти за сумасшедшую?

- Вспомнилась манера Лестера отвечать вопросом на вопрос.
- О чем?
- Что вчера произошло на самом деле?
- С предками поссорилась.

Я сунула руки поглубже в карманы джинсов. Как рассказать ему о том, что случилось утром? Как описать Лестера, который идеально подходит для того, чтобы его выдумал какой-нибудь чокнутый любитель аниме, и совсем не подходит для реального мира?

– И все?

– Нет.

Дима упер руки в бока – еще один жест, которого он за собой не замечает, когда недоволен. Потом вдруг притянул меня к себе. Я прижалась щекой к серебряному пентаклю на его груди. От него пахло туалетной водой и кожей – Дима был в своей неизменной косухе.

– У меня тетка умерла сегодня утром, – пробормотала я в его куртку. – Дома.

Дима крепче прижал меня к себе, точно собирался защитить от всего мира.

– Ты как?

– Нормально.

– Точно?

– Хм... – еще немного, и изображение пентакля впечатается мне в щеку навечно. – Ты меня задушишь.

– Извини, – он чуть ослабил объятия, – хочешь мороженого? Или прогуляться?

– Давай.

Возле киоска с мороженым он погладил меня по плечу так же сочувственно, как мама пару часов назад.

– Ты поэтому вчера ушла из дома?

– Нет. Я ушла, потому что она притащилась к нам.

– Значит, вчера она чувствовала себя нормально?

– Да.

– А когда она?..

– Я же сказала, сегодня утром у нас дома.

Он снова обнял меня – я еле успела отвести руку с мороженым.

– Да со мной все в порядке! И я не плюшевый мишка! Почему все жалеют меня, хотя умерла она? И ее дети, – уже тише добавила я.

– Что? Дети?

– Да.

– Поэтому ты выглядишь растерянной?

– Из-за детей, которых я видела один раз в жизни?

– Ну да, – Дима мягко развернул меня за плечи в сторону одной из затененных аллей.

Я растерянно поплелась за ним.

– Ну окей. Допустим. Растерянной. Потому что, знаешь... – «ее убили по моей вине».

Нет. «Потому что существует человек, который щелчком пальцев запирает двери». Не так. Может, «потому что мир перевернулся с ног на голову, а я этого вроде как всю жизнь ждала и оказалась не готова». Да, пожалуй, это оно. – Потому что я была к этому не готова, – я шагала, задумчиво облизывая пальцы, на которых мороженого было больше, чем в стаканчике.

– К этому никогда не бываешь готов. Знаешь, когда я был маленьким, лет в семь или восемь, у меня умер дед, – начал Дима. – А сразу за ним моя любимая бабушка. Мне тогда сказали, что они уехали на небо, и я плакал три дня от обиды, что они не взяли меня с собой.

Он продолжал говорить, но я не вслушивалась. Мы брели по аллее пустого парка, Дима обнимал меня за плечи, а я спрашивала себя: что я вообще здесь делаю? Что случилось утром, и что мне обо всем этом думать? Может, просто убедить себя, что все это мне приснилось? Или что я слишком устала. Что такого не бывает. Но разве не я без конца выводила в дневнике одну и ту же фразу: «Мне душно, мне тесно в этой реальности, я задыхаюсь... точно знаю, что есть другая, а нет, значит, я вправе создать её, выдумать в своей голове»?

Раньше я страдала от того, что каждый день похож на предыдущий, и ничего вокруг не меняется – ни мир, ни люди вокруг. Говорят, каждый человек уникален – но вот они, люди, одинаково озабоченные, сосредоточенные, вечно куда-то спешат, идут мне навстречу, радуются, что закончился очередной рабочий день. Разве они не стремятся к одному и тому же – успешной учебе, успешной карьере, крепкой семье? И разве так уж плохо верить в существование иных людей, тех, кто способен щелчком пальцев запирать не запирающиеся двери, – раз остальные мне все равно не нравятся?

– Может, все это и к лучшему, – пробормотала я.

– К лучшему? Что люди умирают?

– А?

– Ты вообще слушала, что я говорил?

– Да.

Дима покачал головой.

– Вера, Вера... Что у тебя в голове?

– Видимо, что-то странное.

– Вот именно. Ты иногда самый странный человек из всех, кого я знаю. А потом раз – и снова нормальная. А потом опять что-то пишешь в своем блокнотике, и не дай Бог к тебе подойти в этот момент.

– Я, между прочим, давно уже ничего не писала, – призналась я, чувствуя, что это расстраивает меня чуть ли не больше всего, что произошло со вчерашнего дня. – Когда не пишу, мне кажется, будто я вообще ничего стоящего не делаю. Ничего по-настоящему важного. И сама ничего не стою, просто дышу воздухом вместе с другими.

Дима остановился и поцеловал меня в лоб.

– Еще напишешь. Обязательно.

– Да.

– А потом станешь великой писательницей, – он улыбнулся. – И я буду тобой гордиться. Я почувствовала себя ребенком, которому дали конфетку, лишь бы не ревел.

– Спасибо.

– Все уже позади, – Дима обнял меня. – И скоро забудется, вот увидишь. Учебный год закончился, лафа...

– Я не хочу это забывать, – тихо возразила я. Только не Лестера. Благодаря ему впервые ирреальность оказалась так близко, и впервые ее придумала не я.

– Все плохое быстро забывается, – сказал Дима с видом умудренного жизнью профессора. – Зажжешь пару раз как надо, развеешься. У нас в универе туса на следующей неделе. Приходи.

– Ладно.

Мы помолчали еще немного.

– Если захочешь поговорить об этом, просто знай, что я рядом, – добавил он.

– Неа, – я отстранилась и быстро поцеловала его. – Не захочу.

Солнце поднялось так высоко, что слепило глаза. Погода стояла летняя. Учебный год закончился. Я должна была чувствовать себя счастливой.

Мы прошли еще немного. У выхода из парка Дима сказал:

– Береги себя.

– Обязательно.

– Созвонимся.

– Ага. Кстати, спасибо, что забрал меня вчера, – мне казалось, я должна сказать это. Все-таки я его была его девушкой.

– Не за что.

Он легко коснулся губами моей щеки и зашагал по направлению к метро. Даже на таком расстоянии я угадывала длинные взгляды, которые девушки бросали на него. Высокий, крепкий, в черной косухе поверх черной футболки в обтяг. Идеальный парень, который совсем меня не понимал. Да и как он мог понять, если я даже толком не объяснила, что произошло?

Я постоянно твердила себе, что скоро все и впрямь забудется – и сама в это не верила.

Остановлюсь здесь. Мне холодно. Окоченевшие пальцы почти не слушаются. Кажется, сама кровь в жилах остыла, пока я пишу здесь при свете единственной свечи. От каменных стен, стремительно остывающих после долгого дня, веет холодом. От них – и от страха перед тем, что должно произойти.

Скоро *он* придет, и я больше не останусь одна.

Глава 4

Я долго терла ладонями друг о друга – будь между ними деревянная палочка, впору было бы развести огонь. Мне по-прежнему холодно, но я по крайней мере могу писать дальше – должна, иначе не успею.

Вернувшись домой, я первым делом поставила телефон на зарядку. Потом не нашла ничего лучше, как засесть в своей комнате за учебник истории. Учеба еще толком не закончилась: впереди маячили вступительные экзамены в колледж. За год я наслушалась от учителей, какие они сложные, и насколько невелик шанс из сдать у тех, кто «бросает учебу на полпути». Я старалась не обращать внимания на их слова и готовилась при каждой удобной возможности.

Сосредоточиться толком не удавалось: родители так громко спорили на кухне, что до меня периодически доносились их голоса. Сначала папа обвинял правительство, которое не защищает своих граждан, потом маму, которая во всем мне потакает, и наконец начал ругать меня.

– Она не только стыд, она и гордость потеряла! – доносилось из кухни. – Этот позвал, она пошла. А если другой позовет? Тоже пойдет, как девочка по вызову? Так тем хоть платят.

Не помню, что ответила мама. Или, может, я просто не услышала: мама всегда говорит тихо. Помню, как-то отстраненно подумала: с чего это заботит папу больше смерти сестры? Может, Лестер сделал так, что все постепенно об этом забывают?

Или папу действительно больше всего волнует, с кем я сплю.

Я открыла последний параграф и с минуту перечитывала один и тот же абзац, не замечая, что ничего не вижу из-за слез. От усталости хотелось спать. Свет настольной лампы незаметно тускнел, пока не погас совсем. Я заснула прямо за столом.

Проснулась ночью – мне показалось, кто-то тронул меня за руку. Я вздрогнула спросонья, ожидая увидеть в темноте что угодно – призрак, Лестера, хоть даже самого дьявола. Но это всего лишь завибрировал телефон. Смс-ка.

«Дима серьезно болен. Причину объяснять не стоит, не так ли?»

Конечно, никакой подписи. Номер был незнакомый. Первой мыслью было набрать его, но я была почти уверена – равнодушный женский голос сообщит, что такого номера не существует.

Сон как рукой сняло. Я встала и, не зажигая свет, подошла к окну. Окинула взглядом ночной город. Раньше я часто описывала черное небо, полную луну с её загадочным молочным светом и теперь не знаю, что нового сказать об этом. Разве что о темноте, которая обладает удивительной властью притуплять любые чувства: боль, страх, радость, отчаяние. Темнота приглушает их, пока начисто не сотрет из души и не вернет блаженное бесчувствие.

Я подумала о Диме. Наверняка он не спит, хотя время позднее. Почему Зоя решила отомстить ему? За что? Он же любит меня. Заботится. Мне не за что на него злиться.

Возможно, эта хрупкая Зоя, частичка всемирной нелепости, созданной «вместе с сотворением человека», просто ошиблась. Или ошиблась я, и мне в самом деле пора обратиться за психиатрической помощью.

Я отошла от окна и нерешительно взглянула на кровать. Ехать к Диме? Ложиться спать? Он не звал меня – да и откуда мне знать, что ему плохо?

Похоже, придется спать. В той самой кровати, где накануне спала Ульяна. Мама сказала, что сменила белье еще утром.

Я легла, ожидая ощущения тревоги или страха. Но ничего не было. Я заснула быстро и даже выпалась. Всю ночь мне снился высокий худой мужчина с длинными волосами, одетый в старинный сюртук и панталоны. Он гулял по облакам, ступая по ним босыми ногами и не обращал на меня никакого внимания.

На следующий день после смс-ки Димы о том, что он почти при смерти и ждет меня, чтобы проститься, я поехала к нему. Дверь открыла его мама и тут же сообщила, что накануне он отравился.

– Отравился? – вырвалось у меня вместе со вздохом облегчения. По крайней мере никто не втыкал в него нож.

– Ест всякую дрянь в этих кафешках, – Диминая мама, крепкая женщина с деловым каре, кивнула на комнату сына. – Нет, чтобы дома нормально поесть, он где-то шляется. Вот дошлялся. Ночью думали, аппендицит – скорую вызывали. Такой цирк стоял. Они его в больницу, он уперся, помирать так дома...

Я на секунду представила, как высокий и крепкий Дима упирается, и покачала головой.

– Так что если это все-таки аппендицит, а его не вырезали, то дома он как раз и помрет. В ближайшие двадцать четыре часа, – громко закончила его мама, явно рассчитывая, что Дима нас слышит. И тут же вежливо добавила: – Чаю?

– Да, спасибо.

Пользуясь тем, что его мама отправилась на кухню, я прошла в комнату Димы. Он лежал на своей узкой кровати, не двигаясь и не открывая глаз, бледный и глубоко несчастный. Странно было видеть его в домашних штанах и растянутой футболке. Я поцеловала его в небритую щеку.

– Это не аппендицит.

Он слабо пожал мою руку.

– Откуда ты знаешь?

– Ты бы уже умер.

– А...

Про себя я подумала, что устроить кому-то аппендицит Зое не под силу. Даже открыла рот, чтобы спросить, не встречал ли он вчера девочку, похожую на привидение, но тут вошла его мама. В руках у нее была чашка размером с небольшую кастрюльку.

– Чай с чабрецом.

– Спасибо.

– Дима, есть хочешь?

– Неа...

– А чаю?

– Ничего не хочу, спасибо, мам.

– Смотри, – она поставила поднос на стол и по-хозяйски потрогала его лоб. – Опять поднимется температура, вызову скорую.

– Мам.

– На этот раз тебя точно заберут.

– Мам! – от возмущения он даже приподнялся на локтях.

– Что мам? У меня, знаешь ли, не пятеро сыновей, а всего один, – невозмутимо отозвалась женщина. Выглядела она обеспокоенной. – Лежи, лежи. Захочешь есть, скажешь.

Она чуть заметно кивнула мне и вышла. Я села на единственный свободный стул в комнате – за стол, заваленный кучей записочек и оберток от конфет. Дима был ужасным сладкоежкой.

– Такое ощущение, что у тебя на столе завелся хомяк.

– Ммм?

– Откуда столько обгрызанных бумажек? Мама не кормит?

Это был самый простой способ его расшевелить. Дима искренне считал, что в двадцать лет пора жить отдельно. Стоило напомнить, что он до сих пор живет с мамой, как он взрывался. Но на этот раз он ничего не ответил, даже глаза не открыл.

Я сделала глоток крепкого чая, размышляя, как бы расспросить его о случившемся и не выглядеть при этом подозрительно. Хотя что мне терять? Я и так «самый странный человек из тех, кого он знает».

– Вера? – вдруг обратился ко мне Дима.

– Я тут.

– Какой сегодня день?

– Суббота.

– А... Я думал, воскресенье.

Я подошла к нему и прикоснулась ко лбу. Кажется, температура все-таки поднялась.

– Все это так странно... еще вчера мы разговаривали в парке. Там было так тепло, солнечно. А потом все.

– Что все?

– Зашел в кафе. Просто в кафе, блин... Ох... – из бледного он сделался почти зеленым.

– Тошнит? – я потянулась за тазиком, который стоял наготове рядом с кроватью.

– Нет. Не надо, – он сглотнул, справляясь с приступом. – Одна кафешка изменила все!

– Ну, ты же не умер.

Я снова погладила его по голове. Когда болел, Дима любил драматизировать. После мы обычно делали вид, что ничего не было – ни драм, ни бесконечных разговоров о непредсказуемости жизни. Я вообще не понимала, к чему они: пусть мы все умрем хоть завтра, сегодня-то останется прежним.

– А что бы ты делала, если бы я умер? – Дима попытался улыбнуться.

– Постаралась бы умереть с тобой в один день.

– Ого. Я польщен.

На некоторое время он замолчал.

Я все думала, как Зоя могла отравить его.

– Ты был один в кафе?

Он попытался улыбнуться.

– Нет. С очаровательной шатеночкой, такой, знаешь... если бы я не узнал, что вы вместе учитесь, подумал бы, что ей лет тринадцать.

– Это с которой?

– Такая, знаешь, тихая девочка...

– Которая? – с нажимом повторила я, хотя уже знала ответ.

– Кажется... да. Кажется, её зовут Зоя.

Я ждала этого и все равно оказалась не готова. С трудом успокоив дыхание, я хотела спросить, о чем это они мило беседовали, но тут раздался звонок. Кто-то без остановки жал на дверной звонок.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я вскочила и захлопнула дверь в Димину комнату, для пущей верности прислонившись к ней спиной.

– Ты что творишь? – Дима так удивился, что перестал ходить на умирающего и даже привстал с кровати.

Вместо ответа я прижала руки к груди, пытаюсь унять сердцебиение. Сердце колотилось у самого горла, в голове одно за другим проносились кровавые видения. Вот Зоя врывается в квартиру с огромным ножом для разделывания мяса. Слепо, словно на ощупь, ищет Диму, набрасывается на него...

– Вера? Ты чего? – он с трудом поднялся с постели. Попытался отодвинуть меня, но не тут-то было: в дверь я уперлась спиной, в пол ногами и испуганно качала головой. Не пушу. Не пушу ее сюда.

– Да что с тобой? Это моя мама! Я слышал, как она уходила. Что ж такое-то, дай я открою дверь!

– Нет, ты не понимаешь! – выдохнула я. – Это не она.

Звонок затих. Послышался звук поворачивающегося ключа. У Зои не могло быть ключа от квартиры.

– Вы тут уснули, что ли? – слышался голос Диминой мамы. – А? Трудно открыть дверь? У меня сумки в руках!

– Вера, – Дима смотрел на меня так, будто это я стояла перед ним с ножом для разделки мяса. – Это моя мама. Дай я пройду. Что с тобой?

Его голос пробился в мое сознание только с третьей попытки.

– Ау, есть кто дома? – судя по шагам, его мама стояла уже перед самой дверью.

Дима взял меня за руки.

– Ты чего-то боишься?

– Нет.

– Успокойся. Сядь, – он почти силой отодвинул меня от двери и усадил за стол.

Вошла его мама.

– Вы чего закрылись? Непотребностями занимаетесь? Уже?

Мы уставились на нее с одинаково ошарашенным видом.

– Все нормально?

– Все окей, – хором ответили мы.

Диминая мама подозрительно взглянула на нас.

– Ты как-то неважно выглядишь, Вера. Тоже плохо себя чувствуешь?

– Нет, нет. Просто устала.

– За двадцать минут? – она подняла одну бровь, но попытаться не стала. – Ладно.

Проголодаетесь, дайте знать.

– Спасибо.

Мы остались вдвоем. Прежде, чем Дима успел что-то спросить, я сказала:

– Я пойду.

Я хотела встать, но он надавил мне на плечи.

– Может, объяснишь, что происходит?

– Ничего.

– Я же вижу.

– Да ничего не происходит, правда. Пусти.

– Вера!

Я глубоко вздохнула. Не злиться, не злиться на него. Только не злиться.

Дима погладил меня по щеке.

– Что с тобой? Ты вся побледнела.

Вместо ответа я порывисто его обняла. Так крепко, что он пошатнулся. Потом погладил меня по спине, как ребенка.

– Ты чего? Ну... Скажи мне, наконец, что с тобой творится. Всё из-за того, что случилось с твоей теткой?

– Не совсем.

– Тебя кто-то обидел?

– Нет. Кто меня обидит с таким защитником, – я улыбнулась. – Все хорошо. Просто устала. Конец учебного года, экзамены...

– Ты со всем справишься, малышка, – пробормотал Дима, запуская пальцы мне в волосы и одним движением расплетая косу. – Ты же знаешь, я всегда рядом...

– Знаю. Полежи лучше, а то температура поднимется, – я почувствовала, как мне радуется его тело. Еще немного, и он уложит меня на свою узкую кровать.

– Рядом с тобой-то, конечно...

– Дима...

– Ммм?.. – он прижал меня к себе так крепко, что я ощутила мышцы под его футболкой.

– Тебе правда нужно полежать. Отдохни.

– Когда ты рядом, я иногда с ума схожу.

Он водил руками по моей спине, пробуждая ответное желание. Как бы я ни думала о Диме, мое тело так к нему привыкло, что отзывалось на малейшее прикосновение. Внезапно я почувствовала, что он скорее висит на мне, чем обнимает. Не знаю, чем Зоя отравила его, но это явно было что-то посерьезней просроченного творага.

Я поцеловала его в щеку.

– Тебе надо отдохнуть.

– Я не...

– Я приду завтра, ладно? Когда твоей мамы не будет дома.

Он сник, но возражать не стал. Слабость взяла свое, и он вернулся в кровать. Я поцеловала его на прощанье и ушла.

В воскресенье Диме стало лучше настолько, что он настойчиво приглашал меня остаться на ночь, но я так и не выбралась. Даже нашла подходящий предлог – в понедельник мне снова нужно было в школу, на этот раз на консультацию перед экзаменом. Там я и столкнулась с Зоей. Точнее, она сама подседа ко мне.

– Привет, – она казалась все той же миловидной и робкой хрупкой девочкой. Такая ни за что бы не порешила троих человек. Она и нож-то в руках не удержит.

– Привет.

Зоя приветливо улыбнулась. Кажется, она и впрямь мне симпатизировала.

– Как дела?

– Плохо, – откликнулась я, соорудив грустную гримасу. – Ты же слышала: на днях умерла моя тетка. Говорят, будто она в припадке эпилепсии зарезала себя, – я внимательно следила за ее реакцией. Когда приходил Лестер, в классе ее не было. Значит, она должна была, мягко говоря, удивиться. Но удивленной Зоя не выглядела – скорее расстроенной.

– Ох... Верочка, мне так жаль, – она ласково дотронулась до моего плеча.

– Спасибо. Правда, не знаю, что мне теперь делать...

Я горестно вздохнула.

– Ты любила её? – тихо спросила Зоя.

Глаза её, и без того большие, казались необъятными озерами, полными сострадания и любви.

– Ты не представляешь, как! – я даже не заметила, что повторила излюбленную Димину фразу. Потом громко всхлипнула и сделала вид, что едва могу удержаться от рыданий.. – Мне так не хватает её! Кто бы это ни сделал, он должен ответить!

Я принялась рассказывать, как любила тетку, с удовольствием наблюдая, как Зоя бледнеет. Услышав, что мы с Ульяной вечерами напролет болтали по душам, она стала блее своей шифоновой блузки.

– Но, если не ошибаюсь, вы впервые увиделись после разлуки всего несколько дней назад, – возразил голос у меня за спиной.

Я подпрыгнула на стуле. За последней партой, прямо позади нас, сидел Лестер. Одет он был также, как в моем сне – в темно-синий бархатный сюртук с золотой вышивкой и белоснежную рубашку. Волосы забраны в низкий хвост. В глазах пляшут задорные искорки.

– Ты что здесь делаешь?

Я завертела головой по сторонам. Его кто-нибудь еще видит? Класс был почти пустой, звонок еще не прозвенел. Зоя смотрела прямо на него.

– Здравствуйте, – тихо поздоровалась она.

Ну слава Богу.

– Привет. Я следователь, – сказал Лестер, глядя ей в глаза. Потом повернулся ко мне. – Так ты говоришь, снова увиделась с теткой только накануне смерти?

– Ага. И теперь не могу простить себе, что не успела сказать, как ценю ее.

На его губах заиграла зловредная усмешка.

– Настолько ценишь, что ушла из дома, когда она приехала?

Зоя мелко задрожала, переводя взгляд с меня на своего хранителя. Интересно, она вообще его раньше видела?

– Я ушла прогуляться. Скажи... скажите, господин следователь, – поправилась я, всем видом показывая, что он такой же следователь, как я королева Великобритании, – а что, вы, собственно, здесь делаете?

– Видишь ли, я тоже ушел из дома. Прогуляться. По школе. Прогуляешься со мной?

Я посмотрела на Зою. Судя по виду, она была на грани обморока. Ладно, пусть разбирается с этим сама. Я вышла из класса вслед за Лестером.

– Сейчас прозвенит звонок.

– Не прозвенит, если мы не захотим, – он щелкнул пальцами, едва мы оказались в коридоре. – Или если я не захочу.

Он выжидательно уставился на меня, я на него. Мы стояли посреди пустого школьного коридора – в школе, кроме нашего класса, больше никого не было, – и ждали друг от друга неизвестно чего. Я нарушила тишину первой.

– Что тебе нужно?

– Думаю, ты хотела бы по крайней мере узнать номер моего мобильного.

– Да ладно. Ты за этим пришел?

– Строго говоря, я не приходил, а просто появился у тебя за спиной.

– Очень смешно.

– Так тебе нужен мой номер?

– А он у тебя есть?

– Почему бы и нет? Я же не доисторический человек, вполне могу нажать на кнопочки, чтобы связаться с людьми в любой точке земного шара.

– Мне не нужен твой мобильный. Если ты так беспокоишься о моих желаниях, пожалуй, есть одно – убери от меня Зою.

– По-моему, она тебе не мешает.

– Она мешает мне, – сдержанно возразила я, чувствуя, как от злости у меня начинает звенеть в ушах. – Позавчера она просто так отравила моего парня. А если в следующий раз она отравит моих родителей?

– Она связала тебя по рукам и ногам, – прошептал Лестер, будто сам себе не верил.

– Представь себе! Разве это не то, чего ты добивался? Ты должен быть очень доволен собой!

Он ухмыльнулся.

– Вполне.

– Я не понимаю! Неужели Богу так весело связывать зло и добро и смотреть, что из этого получится?

– Бога нет, – спокойно сказал Лестер. Его голос прозвучал слишком громко в пустом коридоре. – И никогда не было. Я долго живу – дольше, чем ты думаешь. И если я в чем-то и уверен, то только в одном – нет ни Бога, ни дьявола. Мы одни в этом мире.

Я взглядела в его кукольное лицо. Кажется, последняя фраза причинила ему самую настоящую боль.

– Если нет ни Бога, ни дьявола, значит, и абсолютного зла тоже нет, и ты малость промахнулся со своей теорией.

– Думаешь, ты – абсолютное зло?

Опять эта игра «кто задаст больше вопросов за раз». Ладно, я почти научилась в нее играть.

– А разве не ты утверждал это пару дней назад?

– Не думаю, что именно это.

Я в бессилии стукнулась затылком о стену.

– Кто-то из нас просто сошел с ума. Вот и все объяснение.

Он негромко рассмеялся.

– Если один из нас сойдет с ума, моя радость, второй разнесет полгорода. Или полстраны. Или полмира. Да хоть всю галактику, – он развел руками, будто предоставлял мне право действовать на свое усмотрение, – начинай, если руки чешутся что-то изменить.

Я молчала. Он изучающе меня разглядывал, всем видом давая понять, что любая моя реакция его ничуть не огорчит.

– Поведай мне о своих рассказах.

– Рассказах... Ты же и так знаешь. Это даже не рассказы. Так, отрывки. Фантазии.

– Ах, только отрывки. Я думал, дело уже до романов дошло.

– Нет.

Я сложила руки на груди. Если он высмеет еще и это, у меня в жизни вообще ничего хорошего не останется. Ничего по-настоящему моего.

– Если ты кому-нибудь про это и расскажешь, то только мне, – сказал Лестер.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Потому что это я, а это ты. Потому что пока мы тут стоим, вселенная остановилась. Время не идет, уроки не учатся. Красота. Хочешь посмотреть на застывшие лица одноклассников? Они забавные.

Я покачала головой.

Лестер тоже прислонился к стене рядом со мной и сложил руки на груди. Я заметила, что от него вообще ничем не пахнет. Никакого, даже мимолетного запаха.

– Ну, – тихо произнес он. – Я хочу послушать.

Я по-прежнему молчала, вспоминая, сколько исписанных тетрадей ежегодно улетали в мусоропровод. Мне казалось, из-за них меня точно когда-нибудь упекут в психушку.

– Тебе не нравится мир таким, какой он есть, верно? – не повышая голоса, подсказал Лестер.

Чтобы не быть с ним на одном уровне, я опустила на корточки и обхватила колени руками. Так у меня было хоть немного личного пространства.

– Никогда не нравился, – призналась я еле слышно. – Сколько себя помню. Мне просто не хотелось в нем жить. Он какой-то... неправильный. Люди неправильные. Одинаковые. Иногда во мне поднимается – не знаю. Упрямство, что ли. Протест. Тогда я пишу. Просто чтобы не потерять свой мир, каким я его вижу. Я в нем как в коконе из собственного воображения.

– А как все началось?

– Не помню... сначала я, вроде, придумывала другую концовку для мультиков, которые смотрела – мне не нравилось, как они заканчивались. Потом была собака...

– Собака?

– Ненстоящая. Мне хотелось собаку, родители не покупали, и я просто придумала, что у меня есть собака. Придумала, как нашла ее на улице, у нее было два черных пятнышка на мордочке, одна лапка короче другой. Потом придумала, что она немного пожила у меня и ушла на улицу. И умерла.

– Ай-яй-яй.

– Потом была девочка... ее я тоже придумала. Она очень любила одного мальчика. Мне было лет двенадцать, и я очень верила в любовь. Да... Ты же и сам, наверное, это знаешь. Я

записывала все, что приходило в голову, оно было для меня настоящим. Когда уставала писать, жила почти только в фантазиях. Я не думала, что так не бывает, или что этих героев нельзя увидеть и потрогать. То, что их не было в действительности, не значило, что их не было совсем. Это было в моей жизни, и довольно. Мне хотелось уйти от реальности – я уходила. Хотелось писать – я писала. Это была целая вселенная, а я в ней – центром и Богом. Я была всем.

– И что изменилось?

Я вздохнула. В груди было больно от каждого следующего слова.

– Не знаю. Пару лет назад для меня писать было, как дышать: я не задумывалась, как это делаю. Потом перестало получаться, я стала думать над словами. Чтобы они не повторялись и чтобы было красиво. В общем, стала думать больше о том, как оно звучит, чем о том, зачем я это делаю. А потом я встретила Диму.

– И что?

– Ну что-то. Поверила в то, что это *он*. Типа, знаешь, во что все девочки верят. Вечная чистая любовь.

– Что, любовь оказалась не такой уж чистой? – усмехнулся Лестер.

– Она оказалась не такой, как я думала. Но мне с ним все равно повезло.

– Да-да, Дима замечательный, умный, красивый, добрый, что там дальше по списку? Ты так часто про себя это повторяешь, что я сам уже готов на нем жениться.

– Ты слышишь чужие мысли?

– Не всегда. Но у тебя на лбу просто бегущая строка.

Я подняла голову.

– Чего?

– Ничего. Продолжай.

– Я все уже рассказала. Раньше я жила, чтобы писать. Даже просто начну жить в собственной вселенной? Потом решила, что необязательно умирать для этого, можно ведь представить. Например, что нет никакой школы, а вокруг только зеленые поля, над ними красивые пурпурные облака, похожие на птиц.

– Не получается?

– Что?

Лестер постучал костяшками пальцев по стене рядом со мной.

– Не получается школу заменить лугом?

– Я же тебе русским языком говорю...

Он махнул рукой.

– Все с тобой понятно. Твоя исповедь утомляет, радость моя. Если расписать это, выйдет не меньше трех страниц. У меня бы рука отсохла.

– В твоих силах сделать так, чтобы я тебя больше никогда не утомляла, – я поднялась на ноги.

– Ну уж нет.

– Ну уж да, – я решительно направилась к классу. – Кстати, а как Зоя узнала, что я разочаровалась в Диме?

Лестер пожал плечами, направился к двери женского туалета и с абсолютно невозмутимым видом прошел сквозь неё.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Просто, чтобы ты знал: на эти фокусы ведутся только дети.

– Ваша связь день ото дня становится сильнее, – донеслось из туалета. – Ей уже не нужно находиться рядом, чтобы перенять твои желания.

– И что мне с этим делать?

– Подумай над своим поведением и постарайся изменить...

– Себя?

Лестер вернулся в общий коридор.

– Этого я сказать не могу. Попробуй изменить себя и посмотри, что будет.

Я замерла между ним и классом, не зная, куда податься. Из всех людей в мире больше всего я однозначно злилась на него.

– Но почему я? Я же не настолько злая!

Лестер прищурился.

– В тебе слишком много скрытой ярости. Я бы не протянул с тобой и дня.

– Спасибо.

– Скоро ты сама убедишься, что готова уничтожить полмира.

– К счастью, это мне не под силу.

– Кто знает, радость моя... кто знает. Хорошего тебе дня.

Щелчок неестественно длинных бледных пальцев – и я услышала отголоски отзвеневшего звонка. Урок начался, а Лестер исчез.

Вспоминая этот разговор, я улыбаюсь. Его фокусы никогда меня не пугали. С ним было легко. Часто мы балансировали между насмешками и бесконечными дискуссиями, из которых никто не выходил победителем. И все же он, циничный, резкий, ни к месту веселый и почти никогда настоящий, по-своему мне нравился. Я могла сказать ему все.

Он понимал меня.

Глава 5

Я медленно перелистываю исписанные страницы. Всюду жалобы на горькую судьбу. А между тем судьбу эту я выбрала сама и жалеть себя не вправе – разве что тех, кто пострадал от моего выбора.

Но не буду забегать вперед. Расскажу лучше, что произошло тридцать первого мая – последний день весны, который я провела в школе. Повод был уважительный: тридцать первого мая должен был в последний раз прозвенеть звонок для тех, кто больше никогда не сядет за парту. Мы провожали выпускников во взрослую жизнь – и, конечно, отчаянно им завидовали.

Суматоха в школе стояла страшная. Повсюду мелькали разноцветные шарики, тщательно выглаженные белые рубашки и короткие черные юбки. Тяжелый, терпкий запах сирени дурманил голову пуще крепкого вина. В этот день даже я втиснулась в черную юбку по колено и узкие туфли на каблуках, но сразу же об этом пожалела. С непривычки я держалась на каблуках, как плохой канатоходец, поминутно теряя равновесие, в то время, как одноклассницы порхали на каблуках вдвое выше моих. Они кокетливо виляли бедрами, привлекая внимание старшеклассников и посылая им такие томные взгляды, что в и без того душном помещении становилось жарко, как в бане.

Я мрачно размышляла, как так вышло, что ни одна из этих нимф в полупрозрачных блузках и на каблуках не встречается с Димой, который в свое время слыл главным секс-символом школы. Потом подумала: сейчас он увидит меня на их фоне и поймет, что ошибся. Или того хуже – проявит благородство и станет доказывать мне, что я вполне себе ничего. Сейчас мне смешно вспоминать об этом... Впрочем, смеяться в ледяном доме не очень хочется.

Дима не пропускал школьные праздники, хотя сам уже два года как выпустился. Сначала он приходил из чувства солидарности, потом – чтобы, по его собственным словам, единственный раз в году увидеть меня в юбке.

На крыльце школы он сделал то, о чем втайне мечтает любая девочка – на глазах у всех крепко меня поцеловал.

– Привет, – пробормотал он. Я почувствовала, что он улыбается мне в губы.

– Привет.

– Отлично выглядишь.

– Спасибо. Тебе лучше?

Он снова поцеловал меня.

– Угу... Я соскучился.

– По-моему, все на нас пялятся.

Я даже не знала, нравится мне это или нет. Впору было радоваться: на каблуках вышагивали мои одноклассницы, а местный секс-символ целовал меня.

Дима улыбнулся шире, не отрываясь от моих губ.

– Пусть пялятся.

И снова глубокий поцелуй.

Когда мы оторвались друг от друга, я увидела, что никто на нас не смотрит – взгляды всех девочек прикованы к другой парочке. Рядом с Зоей к школе шел высокий мужчина лет тридцати. В этот раз выглядел он вполне обычно. Волосы его из белых стали светло-русыми, одет он был в широкие брюки и свободную рубашку с закатанными рукавами. Я даже разглядела кожаный ремешок наручных часов на тонком запястье.

– Скажи, что это ее брат, – пробормотал кто-то у меня за спиной.

– Мой брат так на меня не смотрит.

Лестер улыбнулся уголками губ и осторожно взял Зою под руку. Клянусь, никто родом из двадцать первого века не способен так изящно и бережно взять под руку девушку ростом на две головы ниже себя.

Дима ничего не сказал, но его рука тяжело опустилась мне на талию. Меня кольнуло острое, неизвестно откуда взявшееся предчувствие – их знакомство, Димы и Лестера, не принесет ничего хорошего. Трудно объяснить, как, но я вдруг ясно осознала: это будет катастрофа.

Я потянула Диму в школу.

– Ты куда?

– Пойдем.

– Что? Сейчас же выпускники подойдут.

– Пойдем, – я обхватила Димину ладонь второй рукой. Мне было жарко и так необъяснимо страшно, как очень давно не было.

– Мы же все пропустим!

Лестер с Зоей поднимались по ступеням. Я вцепилась в Димину руку.

– Я тебя хочу, – выпалила я на одном дыхании.

Несколько одноклассниц из тех, кто стоял ближе, вытаращились на меня. Дима оторопел. Я даже слово «секс» при нем никогда не произносила. Не знаю, что такого было во мне, вряд ли соблазн – я взмокла так, будто только что трусцой намотала пару кругов вокруг школы, – но он молча кивнул и последовал за мной. Без слов поднялся в учительский туалет на третьем этаже, который иногда забывали запирать, и, только расстегнув на мне блузку до пупка, спросил:

– Так ты ревнуешь? К этой девочке, Зое?

Мне захотелось ему врезать. Вместо этого я сказала:

– Просто поцелуй меня.

– Ты ревнуешь, – довольно повторил Дима и взялся за бретельки моего лифчика.

Больше уговаривать его не пришлось.

Мы вернулись на крыльцо, когда все уже закончилось: выпускники прошли по ковровой дорожке, колокольчик в руках маленькой девочки отзвенел, шарики выпущены в небо. Я не увидела ни Зою, ни Лестера, но искать их не стала. К тому же никак не могла заставить себя отпустить руку Димы. Мне все мерещилось, что Зоя сейчас возникнет из ниоткуда и прикончит его одним из миллиона доступных ей изощренных способов.

– Блин, один в один мой выпускной, – пробормотал Дима, оглядываясь по сторонам. – Помнишь?

– Угу.

– Только локацию сменили...

– Слушай, давай не сейчас, – я поймала взгляд одноклассницы, которая, конечно же, совершенно случайно оказалась в двух шагах от нас.

– Оки, – он наклонился и чмокнул меня в щеку. – У вас там еще банкет или можно сваливать?

Я взглянула на классную руководительницу, которая пыталась собрать класс у крыльца. Ее и одноклассников я хотела видеть определенно меньше, чем Диму.

Я проверила тонкий ремешок сумочки на груди.

– Если сваливать, то прямо сейчас, пока она меня не увидела.

– Тогда сваливаем?

– Сваливаем.

Мы побежали к воротам. Бежать на каблуках было страшно неудобно, но я старалась не отставать. Дима явно кайфовал, хохотал в голос и выкрикивал, что чувствует себя голимым школьником. А я чувствовала себя идиоткой, причем все три часа, что мы, крепко взявшись

за руки, гуляли по окрестным паркам, улицам и подворотням. Я боялась отпустить его и все время отвечала невпопад, когда он что-то спрашивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.